

Размышляя над связями: одновременность и расхождение между теорией зависимости и мир-системным анализом
Problematizing lineages: simultaneity and divergence between dependency theory and world-system analysis
Problematizando linajes: simultaneidad y divergencia entre la teoría de la dependencia y el análisis de sistemas-mundo

Луис Гарридо Сото

Независимый исследователь, магистр Университета штат Нью-Йорк-Бингхэмтон

Luis Garrido Soto

investigador independiente, MA SUNY-Binghamton (2018),

luisgarridosoto1986@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2347-0614>

Аннотация: Данная статья представляет собой анализ в области интеллектуальной истории, основная цель которого пролить свет на почти одновременное зарождение теории зависимости в Латинской Америке и мир-системного анализа в США со второй половины 1960-х гг. В ней подробно и приведением доказательств рассматриваются причины, по которым мир-системная перспектива (до того, как ее окрестили таковой) не является просто американской копией теории зависимости. Предлагается анализ «формальных» аспектов основных работ по теории зависимости – «Зависимость и раз-

витие в Латинской Америке» (1969) Фернандо Энрике Кардозу и Энцо Фалетто, «Диалектика зависимости» (1973) Руй Мауро Марини и «Латиноамериканский зависимый капитализм» (1974) Вани Бамбирры – сквозь теоретико-методологическую и эпистемологическую призму работы «Сравнительное изучение национальных обществ», опубликованной в 1967 г. Теренсом К. Хопкинсом и Иммануилом Валлерстайном по случаю 6-го Всемирного социологического конгресса, состоявшегося в 1966 г. в Эвиане (Франция). Не являясь полностью антагонистическими, два этих подхода рассматриваются на основе их методологических и эпистемологических позиций, их сравнение до сих пор не предлагалось, не выделяя общее и различное в подходах.

Ключевые слова: Теория зависимости; мир-системный анализ; эпистемологические, теоретические и методологические расхождения; формальные аспекты; содержательные аспекты

Abstract: This article is an exercise in intellectual history whose objective is mainly to reveal the almost simultaneous origin between dependency theory in Latin America and world-systems analysis in the United States since the second half of the 1960s. Here we offer in great detail and textual evidence the reasons why the world-system perspective (before having been baptized as such) is not a mere US-American (or “gringo”) copy of dependency theory. This will be addressed, first of all, with an analysis of the “formal” aspects in the main dependency works—*Dependencia y desarrollo en América Latina* (1969), by Fernando Henrique Cardoso and Enzo Faletto; *Dialéctica de la dependencia* (1973), by Ruy Mauro Marini; and *El capitalismo dependiente latinoamericano* (1974), by Vania Bambirra—through the theoretical, methodological and epistemological lenses of the essay “The Comparative Study of National Societies” published by Terence K. Hopkins and Immanuel Wallerstein in 1967 regarding the VI World Congress of Sociology in 1966 in Evian (France). Secondly, we will delve into the “substantive” aspects—that is, the methodological as well as epistemological discrepancies—between both approaches. Although they are not

completely antagonistic, we want to make it clear, on the basis of their methodological and epistemological foundations, not fully discussed until now, that the lines of research in dependency theory and in world-systems analysis have divergent implications.

Keywords: Dependency theory; world-systems analysis; epistemological, theoretical, and methodological divergences; formal aspects; substantive aspects.

Resumen: Este artículo es un ejercicio de historia intelectual cuyo objetivo es principalmente dar a conocer el origen casi simultáneo entre la teoría de la dependencia en América Latina y el análisis de sistemas-mundo en Estados Unidos desde la segunda mitad de la década de 1960. Aquí se ofrece con lujo de detalles y evidencia textual las razones de por qué la perspectiva del sistema-mundo (antes de haber sido bautizado como tal) no es una mera copia estadounidense (o “gringa”) de la teoría de la dependencia. Esto será abordado, en primer lugar, con un análisis de los aspectos “formales” en las principales obras dependentistas —Dependencia y desarrollo en América Latina (1969), de Fernando Henrique Cardoso y Enzo Faletto; Dialéctica de la dependencia (1973), de Ruy Mauro Marini; y El capitalismo dependiente latinoamericano (1974), de Vania Bambirra— a través de los lentes teóricos, metodológicos y epistemológicos del ensayo “El estudio comparado de las sociedades nacionales” publicado por Terence K. Hopkins e Immanuel Wallerstein en 1967 a propósito del VI Congreso Mundial de Sociología en 1966 en Evian (Francia). En segundo lugar, se profundizará en los aspectos “sustantivos” —esto es, las discrepancias metodológicas así como epistemológicas— entre ambos enfoques. Si bien no son del todo antagonicos, se quiere dejar en claro, sobre la base de sus basamentos metodológicos y epistemológicos, no del todo discutidos hasta ahora, que las líneas de investigación en la teoría de la dependencia y en el análisis de sistemas-mundo tienen implicancias divergentes.

Palabras claves: Teoría de la dependencia; análisis de sistemas-mundo; divergencias epistemológicas, teóricas, y metodológicas; aspectos formales; aspectos sustantivos.

Дата публикации: 29.06.2024

Дата получения: 15.05.2024

Ссылка для цитирования:

Гарридо Сото Л. Размышляя над связями: одновременность и расхождение между теорией зависимости и мир-системным анализом // Латиноамериканский исторический альманах. 2024. № 42. С. 148-181. DOI: 10.32608/2305-8773-2024-42-1-148-181

Одновременность и расхождения

Существует интеллектуальное родство, более или менее признаваемое, между так называемой теорией зависимости, с одной стороны, и мир-системным анализом, с другой, видимое через определенные интерпретации (некоторые более поспешные, некоторые более продуманные). Общим знаменателем интенсивных дебатов является установление слишком односторонней связи, в которой, прежде всего, исходя из определенного хронологического, а также географического первенства, предполагается, что теория зависимости охватила практически все процессы в Латинской Америке, связанные с капитализмом как глобальным способом производства и в отношении сложных проблем отсталости¹. В этом свете и независимо от того,

¹ Литература на данную тему огромна. Здесь мы не будем останавливаться на этом., но отметим, что самый представительный труд на эту тему: Love, 1980, pp. 375-405; Stern, 1987, pp. 3-58. Энрике Дассел высказывается примерно также, утверждая, что зависимость является сущностью теории мир-системы, если не останавливаться на деталях: см. Dussel, 2014, pp. 165-169. Одна из немногих работ, в которых рассматриваются более различия, чем совпадения теории зависимости и мир-системы – это книга Магнуса Блом Стёрма и Бьорна Хеттне: Blomström, Hettne, 1990, pp. 234-244.; Kay, 2022, Chile, pp. 11-30. Среди множества работ, которые совпадают или принимают теоретически оба подхода в критике теории модернизации следует упомянуть: Skocpol, 1977, pp. 1075-1090; Friedmann, Wayne, 1977, pp. 399-416; Valenzuela S., Valenzuela A., 1978, pp. 535-557; Aronowitz, 1981, pp.

следует ли отбросить или принять эту позицию, считается, что мир-системный анализ не внес ничего нового, тем самым отрицая потенциал, который на самом деле ведет к совершенно иным направлениям и выводам, чем теория зависимостей. Коротче говоря, анализ мир-систем не сводится к тому, чтобы быть просто американской или резюмирующей копией идей теории зависимости, будь то в лице ЭКЛА (СЕРПАЛ) или выраженной языком «марксистская теория зависимости». Поэтому основная цель данного текста – привести некоторые аргументы, которые помогут опровергнуть эту точку зрения, подчеркнув скорее различия, чем сходства между двумя подходами, учитывая одновременность их интеллектуального развития.

По крайней мере, вначале предполагалось сравнить наиболее репрезентативные тексты одного подхода с другим, а именно: «Сравнительное изучение национальных обществ» (издано в 1967 году) Теренса К. Хопкинса и Иммануила Валлерстайна по сравнению с «Зависимостью и развитием в Латинской Америке» (опубликована в 1969 году) Фернандо Энрике Кардозу и Энцо Фалетто и «Диалектикой зависимости» (опубликована в 1973 году) Ружа Мауро Марини. Однако мы быстро поняли, насколько бесплодным будет такой подход, поскольку эти тексты находятся в совершенно разных регистрах по содержанию и указывают на разные (хотя и так или иначе связанные) проблемы, которые будут прояснены в ходе данной статьи. Стоит заранее оговориться, что мы не будем концентрироваться на противостоянии или диалоге соответствующих теоретических перспектив Кардозо и Фалетто, с одной стороны, и Марини, с другой, и не будем рассматривать вопрос об использовании или неиспользовании марксистских терминов в теории зависимости, поскольку это не способствует тому, что мы действительно хотим прояснить здесь, что является более ограниченным, но

503-520; Chiro, Hall, 1982, pp. 181-206; Stinchcombe, 1982, pp. 1389-1395; Dussel, 2014, p. 165. Также и политически сориентированные работы: Gerstein, 1977, pp. 9-22; Szymanski, 1977, pp. 35-53; Brenner, 1977, pp. 25-92; Gulälp, 1982, pp. 169-188; Agnew, 1982, pp. 159-166; Petras, Brill, 1985, pp. 403-420; Harvey, 1987, pp. 42-47.

фундаментальным. По этим причинам, вместо сравнения, мы задались целью прочитать «Зависимость и развитие в Латинской Америке», а также «Диалектику зависимости» через эпистемологические, методологические и теоретические линзы, предложенные Хопкинсом и Валлерстайном в «Сравнительном исследовании национальных обществ» (и других текстах), которые были современны формированию теории зависимости.

Необходимо сказать несколько слов о «Сравнительном исследовании национальных обществ». Это была статья (объемом чуть более 30 страниц), опубликованная в 1967 г. в V томе № 6 журнала «Social Science Information» (основан в 1962 г.) при поддержке Бюро прикладных социальных исследований - института социальных исследований при Колумбийском университете². Она была написана для специальной панели по сравнительным исследованиям на шестом Всемирном социологическом конгрессе, состоявшемся в Эвиане (Франция) в сентябре 1966 г. В ней рассматривались пять докладов, представленных Рокканом, Аллардтом, Айзенштадтом, Маршем и Шойхом. В частности, это были доклады «Кросс-национальная социология: вводная заметка» Роккана, «Основные измерения в сравнительном изучении социальных структур» Аллардта, «Проблемы в сравнительном анализе тотальных обществ» Айзенштадта, «Создание кумулятивных сравнительных исследований» Марша и «Общество как контекст в кросс-культурных сравнениях» Шойха. Первые четыре статьи можно найти в сборнике *Transactions of the Sixth World Congress of Sociology*, опубликованном в 1966 г., а статью Шойха - в томе V и номере 5 журнала *Social Science Information* за 1967 г.³

Этот текст был опубликован в Чили в виде книги в первый год правления Народного единства, в 1971 г., издательством *Ediciones Universitarias de Valparaíso*. На испанский язык его перевел Крисостомо Писарро Контадор, студент Хопкинса и Валлерстайна в Колумбийском университете. Ему помог Оскар

² Этот текст – A-486 del Bureau of Applied Social Research.

³ Rokkan, 1966, pp. 164-172; Allardt, 1966, pp. 173-186; Eisenstadt, 1966, pp. 187-202; Marsh, 1966, pp. 203-221; Scheuch, 1967, pp. 7-23.

Луис Молина, а перевод отредактировали сами авторы. В «прологе» к тексту Писарро утверждал, что вклад Хопкинса и Валлерстайна, хотя методологически он касается сравнения национальных обществ, «вписан именно в линию разработки методологии для изучения макросоциальных систем»⁴. Своей задачей Писарро видел оценить сочетание лучших черт американской традиции с ее «невероятной способностью к измерению» и «амбициозной претензией великих основателей социологии на достижение знания большого социально-исторического масштаба как во временной перспективе, так и в перспективе совокупности аналитических единицы»⁵. В этом тексте не предлагается альтернативная теория или перспектива для объяснения социальных изменений (что произошло с публикацией первого тома «Современной мировой системы», ознаменовавшей открытие мир-системного анализа), так что «он включает в себя методологическую задачу, состоящую в выделении и определении природы различных переменных, которые могут быть использованы при сравнении определенных единиц»⁶.

Более того, те же соображения, что и во вступительном «прологе», написанном Писарро, оправдывают выбранный для этого текста способ изложения, а именно чтение и анализ текстов различных авторов теории зависимости в рамках «Сравнительного исследования национальных обществ», а не просто их сравнение друг с другом, как если бы они состояли из эквивалентных «теоретических блоков», учитывая крайне методологический характер работ Хопкинса и Валлерстайна. И действительно, этот отпечаток делает книгу более чем актуальной для Латинской Америки, учитывая возникновение и дальнейшее развитие теории зависимости, как можно понять из заключительных слов Предисловия: «Для читателя очевидна теоретическая и методологическая направленность очерка и его полезность для развития социальной науки в соответствии с потребностями лучшего понимания социальных, политических и

⁴ Pizarro Contador, 1971, Chile, p. 9

⁵ Ibidem.

⁶ Ibid., p. 11.

культурных систем, преобладающих на латиноамериканском континенте. Именно это убеждение определило включение данной работы в нашу серию переводов на испанский язык и положило начало целой группе работ такого же характера»⁷. В общем, Писарро утверждает, что Хопкинсу и Валлерстайну действительно есть, что внести особенно методологически и эпистемологически в исследования, сформировавшиеся вокруг теории зависимости, даже если они не работали в теоретических рамках последней. Несмотря на то, что книга была опубликована в Чили, ставшей центром исследований зависимости, к сожалению, этот текст не вызвал дискуссий среди исследователей зависимости в то время и не вызывает их по сей день. Военный переворот 1973 г. прервал возможность любых дебатов, что способствовало формированию искаженного представления о том, что мир-системный анализ – это практически то же самое, что и теория зависимости.

Кардосо и Фалетто, и Марини, через *El estudio comparado de las sociedades nacionales*: формальная сторона

Начиная с формальных аспектов, на более общем уровне и «Зависимость и развитие в Латинской Америке», и «Диалектика зависимости» вписаны в рамки изучения национальных обществ «либо только как объектов исследования, либо только как теоретических единиц сравнения»⁸. Иными словами, национальное общество как единица анализа подразумевает, что оно: а) само по себе является объектом эмпирического исследования, состоящего в сборе информации для преобразования ее в данные, и б) является предметом сравнительных аналитических предложений по некоторой конкретной теме, связывающей по крайней мере два рассматриваемых национальных общества. Прежде чем продолжить, стоит вспомнить следующее различие, проведенное Хопкинсом и Валлерстайном для того, чтобы разграничить эту специфическую область сравнительных ис-

⁷ *Ibid.*, p. 16.

⁸ Hopkins, Wallerstein, 1971. p. 20.

следований: «Мы считаем, что сравнительные исследования, в которых речь идет о национальных обществах, либо как об объектах исследования, либо как о теоретических единицах сравнения, представляют собой важный класс сравнительных исследований. Нам нужен точный термин для обозначения этой всеобъемлющей категории, и мы будем использовать выражение «многонациональные исследования». Аналогичным образом существует еще один важный класс исследований, в которых в качестве источников наблюдения или единиц сравнения выступают другие типы обществ (и даже более обширные образования, такие как мировые цивилизации и религии), которые могут быть объединены под общим названием «плюрикультурные исследования». Мы проводим очень широкое разграничение»⁹. Авторы основывают эту дифференциацию не только на типе сравниваемых единиц в каждом случае, но и на том, что «сравнительное изучение религии, например, существенно отличается методологически и теоретически от сравнительного изучения национальных обществ, и что различие между ними не должно быть потеряно при простом сравнении этих двух тем как специальных в общей сравнительной социологии»¹⁰. Теоретические характеристики, лежащие в основе (сравнительных) исследований национальных обществ, существенно отличаются от тех, что присутствуют в сравнительных исследованиях ненациональных обществ, цивилизаций, религий или чего-либо еще. Следуя этому уточнению, исследования зависимости относятся к области многонациональных исследований в таксономии Хопкинса и Валлерстайна.

В рамках одних и тех же плюри-страновых исследований также существуют различия в зависимости от изучаемой области. В целом, отличительный фокус в каждом из них задается следующей «триалектикой»: «С нашей точки зрения, любая сложная социальная единица существует в трех формах или на трех уровнях: она сама по себе является субъектом, контекстом для своих элементов и сама является частью более сложных

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibid., p. 38.

контекстов. В соответствии с этими тремя возможными позициями анализируемого нами национального общества существуют три вида плюри-национальных исследований, которым мы присвоили, соответственно, названия транснациональных, многонациональных и международных»¹¹.

При анализе конкретных сравнительных работ не всегда легко провести такое четкое разграничение, поскольку «исследователи выражают свои гипотезы и выводы самыми разными способами, которые иногда скрывают сравниваемые единицы или обобщения»¹². Остается выяснить, как исследования зависимости на примере работ Кардозо и Фалетто, а также Марини выстраивали свои сравнения, свой код транснациональный, многонациональный или международный, если это вообще возможно в соответствии с данной типологией. Прежде чем продолжить, стоит вкратце рассказать о том, как Хопкинс и Валлерстайн представляют себе сравнительную работу в социальных науках. Они опираются на обобщающие предложения Пола Лазарфельда, которые заключаются в следующем: а) Они (пропозиции) касаются набора элементов («случаев», «единиц наблюдения»); б) Для целей проводимого исследования эти элементы считаются сопоставимыми. Это означает, что для описания каждого из элементов используется один и тот же набор свойств; в) Каждый элемент имеет определенное значение для каждого свойства (эти значения могут быть количественными или качественными); г) В пропозициях проявляются взаимосвязи между этими свойствами¹³. Сравнительные исследования, таким образом, следуют следующей логике: элементы → свойства → значения → предложения. Таким образом, акцент в сравнительных исследованиях делается на согласованности между изучаемыми случаями и теоретическими предложениями, точнее, на соответствии между (абстрактной) теорией и (конкретной) реальностью. Теперь стоит рассмотреть, как разновидности плюри-страновых исследований отражаются в ана-

¹¹ *Ibid.*, p. 24.

¹² *Ibidem.*

¹³ *Ibidem.*

лизе зависимостей. Более того, следует ожидать, что эти разновидности обычно смешиваются, что потребует тонкой концептуальной работы.

I. Транснациональные исследования. Это самый элементарный уровень многонациональных исследований. Согласно Хопкинсу и Валлерстайну, «в этих исследованиях единицами (или элементами) являются национальные общества или "части" таких обществ (политическая система, экономика, стратификационные системы, профессиональные структуры и так далее), свойства проистекают от обществ или их "частей", а пропозиции утверждают отношения между этими свойствами на национальном уровне»¹⁴. Этот уровень относится именно к национальному обществу как целостности или к тем (внутренним) структурам, которые охватывают эту национальную целостность, и на которых основываются как (эмпирические) свойства, так и (теоретические) пропозиции. Для пояснения этой разновидности плюринационального исследования авторы приводят следующий пример, взятый из книги Сеймора Мартина Липсета «Политический человек»: «Чем богаче нация, тем больше возможностей для поддержания демократии» или «Чем более развита экономика любого национального общества, тем более демократичной будет его политика»¹⁵. На этом уровне анализа сравнительные предложения имеют дело с наблюдаемыми, проверяемыми или даже количественно измеряемыми уровнями между различными национальными обществами для сравнения, прямого, в данном случае, между «уровнем благосостояния или экономического развития и уровнем демократии»¹⁶.

II: Мультинациональные исследования. Этот тип мультинациональные исследования отличается от предыдущего тем, что «единицами, о которых идет речь в обобщающих предложениях, являются не национальные общества или какие-либо более крупные части обществ (например, их экономики, государства,

¹⁴ Ibid., p. 25.

¹⁵ Ibid., p. 27.

¹⁶ Ibid., p. 26.

системы родства и т. д.), а отдельные люди, малые группы, сложные организации и т. д.». Таким образом, фокусная единица не столько сам «индивид», сколько актер, который, конечно, может быть индивидом, но также – группами или организациями, так что «национальное общество, в котором находится единица, появляется в этом случае только как контекстуальный объект, иногда в форме номинального контекстуального свойства – национальности, иногда в форме более общего контекстуального свойства, указывающего на тип общества, в котором находится объект (например, слаборазвитое против развитого)»¹⁷. В качестве примера Хопкинс и Валлерстайн приводят результаты опроса, проведенного компанией Verba в США, Великобритании, Германии, Италии и Мексике: «Чем более образован человек, и чем выше его социальная группа, тем больше вероятность того, что он считает себя способным влиять на местное правительство»¹⁸. Другой пример касается мигрантов, прибывающих в Великобританию, куда «западноафриканцы мигрируют, потому что их привлекает "престиж" Великобритании, а ямайцы и другие выходцы из стран Карибского бассейна едут туда, прежде всего потому, что экономические условия в их странах заставляют их искать работу за рубежом»¹⁹.

Интересным аспектом является универсальность, то есть критерий национальности в теории и практике является «случайным»: «Не требуется проверяемой гипотезой и не отражается в выводах, как уже говорилось. На самом деле, к плюри-национальному дизайну прибегают лишь потому, что в каждом случае гипотеза утверждается как универсальная и, следовательно, в принципе должна быть применима к любому человеку, независимо от конкретного общества, в котором он живет. Действительно, в каждом случае цель многонационального исследования – продемонстрировать, что различия между нацио-

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibid., p. 28.

¹⁹ Ibidem.

нальными обществами никак не влияют на излагаемую истину»²⁰.

Если национальность входит в формулировку проблемы, то нельзя точно сказать, имеешь ли ты дело с транснациональным феноменом (структурная особенность на уровне общества) или многонациональным (особенность индивидов), что не очень хорошо прояснено аналитиками. Хопкинс и Валлерстайн приводят следующий пример, проясняющий эту неясность: в транснациональном предложении говорится, что «чем больше популярная культура подчеркивает упомянутые черты, тем выше средний уровень авторитаризма среди ее населения», а в плюри-национальном анализе – «чем более психологически ригидным является индивид, тем более он авторитарен»²¹. Хопкинс и Валлерстайн утверждают, что подобный анализ не должен использоваться односторонне, поскольку помимо использования психологической ригидности в качестве объяснения авторитаризма, авторитаризм как таковой также должен быть концептуализирован и измерен. Наконец, авторы не рекомендуют проводить подобные исследования с акцентом на национальную идентичность, поскольку они могут подкрепить этнические, расовые и национальные стереотипы, рекомендуя вместо этого «излагать результаты в терминах теоретических идей, которыми руководствовало исследование, а значит, без упоминания «национальности» или ее весьма специфических номинальных классов»²².

III: международные исследования. Этот тип исследований касается, с одной стороны, сети или блока стран через «общий рынок, политическую федерацию, региональную ассоциацию или всемирную организацию, членами которой являются национальные государства», или же «существенные отношения между двумя или более странами (англо-американские отношения, торговля в Восточной Европе и т. д.)»²³. В данном случае

²⁰ *Ibid.*, p. 29.

²¹ *Ibid.*, p. 30.

²² *Ibid.*, p. 31.

²³ *Ibidem.*

изучаются отношения между двумя или более странами, которые могут быть (или не быть) в рамках всеохватывающей организационной структуры. Национальные общества остаются объектами, в которых ведутся наблюдения для сбора информации и построения данных, хотя и в рамках содержательного блока или отношений между ними, «но измеряемые свойства в целом относятся к международной сети (сетям) или международным отношениям, которые исследуются»²⁴. Здесь Хопкинс и Валлерстайн берут в качестве примера формирование Европейского экономического сообщества (ЕЭС), а именно образование общего рынка и таможенного союза, а также их последствия как внутри блока, так и для остального мира, чтобы отличить «межсоциальные события и отношения», присущие международным исследованиям, от социетальных и внутрисоциальных явлений, соответственно: «Дойч (Deutsch) обсуждает некоторые препятствия на пути интеграции ЕЭС, сравнивая ее с другими «федерациями» и измеряя ее по разработанным им шкалам. Боше (Bochet) обсуждает проблемы, которые создание ЕЭС создало для нескольких латиноамериканских стран, анализируя отношения одной страны или группы стран с другой группой, имеющей общий рынок. Владислав (Vladislav) утверждает, что создание ЕЭС привело к усилению неравенства как между членами общего рынка, так и между ними в целом и менее развитыми странами в целом. В каждом случае в центре анализа находится более крупная система – ЕЭС или мир, а страны выступают лишь в качестве «членов» этих более крупных систем»²⁵. Необходимо оценить, какие уровни анализа были выделены теоретиками теории зависимости на основе этой таксономии. Следует уточнить, что трудно найти (или придумать) каузальные утверждения как у Кардозо и Фалетто, так и у Марини, поскольку они ссылаются на исторические процессы, что свидетельствует о склонности к качественному подходу, в то время как работы, обсуждаемые Хопкинсом и Валлерстайном, основаны в основном, хотя и не исключительно, на использова-

²⁴ Ibidem.

²⁵ Ibidem.

нии опросов, что свидетельствует о склонности к количественному подходу.

Типы свойств, используемых сторонниками зависимости. Помимо способа аргументации, о котором речь пойдет в конце статьи, в анализируемых текстах в основном рассматриваются социетарные и межсоциетарные свойства. Внутрисоциетарные свойства либо отсутствуют, либо их очень трудно обнаружить. В книге «Зависимость и развитие в Латинской Америке» оба параметра увязываются следующим образом: «Для того чтобы такой анализ приобрел значимость, необходимо двойное усилие для пересмотра перспективы: с одной стороны, рассмотреть во всей полноте "конкретные исторические условия", экономические и социальные, лежащие в основе процессов развития как внутри страны, так и за ее пределами, с другой стороны, понять в данных структурных ситуациях цели и интересы, которые придают смысл, направляют или стимулируют конфликт между группами и классами и социальными движениями, которые "приводят в движение" развивающиеся общества. Таким образом, требуется, и это имеет фундаментальное значение, такая перспектива, которая, выделяя вышеупомянутые конкретные условия, структурные по своей природе, и отмечая мотивы социальных движений (цели, ценности, идеологии) анализирует их в их взаимных отношениях и влияниях»²⁶. Не вдаваясь (пока) полностью в логику аргументации, можно заметить, что в данной работе "структура" в основном включает в себя межсоциетарные и социетарные свойства, а "процесс" – исключительно социетарные. Наконец, в основе этой схемы лежит поляриность между структурой и агентом. Итак, к межсоциетарным свойствам относятся: 1. формы интеграции в мировой рынок/международное разделение труда (колонии для эксплуатации или поселенческие колонии); 2. Их место в системе (в соответствии со структурой центра-периферия); 3. цикличность хозяйственных подъемов и спадов. Социетарные свойства: 1. степень сплоченности национальной экономики (национально контролируемое производство или анклавные экономики); 2.

²⁶ Cardoso, Faletto, 2003. pp. 17-18.

социально-экономическая дифференциация общества; 3. внутренняя система политических союзов (лежащих в основе существующей схемы доминирования); 4. степень социальной, экономической и политической интегрируемости существующей системы доминирования по отношению к новым социальным группам (продукт растущей социально-экономической дифференциации). Такова «модель переменного порядка», хотя Кардозо не любит этот термин, считая его статичной структурой.

Использование этих свойств, а также их взаимная связь также варьируются в зависимости от изучаемого периода. В период первоначального расширения и формирования мировой капиталистической системы (глава III) межсоциетарные переменные имели больший вес, поскольку в этот период определялось, какого типа колонии (эксплуатационные или перенаселенческие) будут созданы в Америке, интегрируя эти территории и население в глобальную структуру «центр-периферия». Социетарные свойства здесь практически не играют роли, и колониальный период был проигнорирован Кардозу и Фалетто. После разрыва «колониального пакта» и последующей независимости, приведшей к образованию первых национальных государств на континенте, социетарная собственность стала преобладать над интерсоциетарной. На этом этапе «степень сплоченности национальной экономики» (едва зарождающейся) сначала объясняется предшествующей колониальной ситуацией и периферийным положением на мировом рынке (обе переменные межсоциетарные), а затем внутренняя система политических союзов становится важной для упомянутой степени сплоченности, а также степень социальной интегрированности (обе переменные социетарные) по мере диверсификации социальной и экономической структуры в соответствии с моделями развития, которые развиваются в каждой стране. И только в главе IV социетарные свойства превалируют над межсоциетарными, оставляя их в качестве промежуточных переменных в виде циклов глобального экономического расширения и сжатия для объяснения различных путей развития в латиноамериканском регионе. Таким образом, политическое развитие является решением проблемы зависимости, а экономическое развитие – ее эпифеноменом: «Не-

которые страны, например, планируя защиту своего основного экспортного продукта, предложили политику девальвации, которая имела косвенные и в некоторой степени непреднамеренные последствия в виде создания благоприятных условий для промышленного роста. Однако трудно утверждать, что достигнутая таким образом экономическая дифференциация как функция конъюнктурных колебаний рынка и не подразумевающая проекта растущей автономии и изменения классовых отношений, сама по себе может существенно изменить отношения зависимости. Политическая сфера социального поведения обязательно влияет на форму процесса развития. Таким образом, если исходить из комплексной интерпретации развития, аргументы, основанные на чисто рыночных стимулах и реакциях, недостаточны для объяснения индустриализации и экономического прогресса. Для того чтобы такие стимулы или защитные механизмы слабо развитой экономики стали началом процесса индустриализации, перестраивающего экономическую и социальную систему, необходимо, чтобы трансформации или условия, благоприятствующие развитию, произошли на международном рынке, и решающее значение имеет то, что социально-политическая игра в развивающихся странах содержит в своей динамике элементы, благоприятствующие достижению большей степени автономии»²⁷.

«Диалектика зависимости» Марини фокусируется на межсоциетранных и общественных свойствах, но, в отличие от «Зависимости и развития в Латинской Америке» Марини уделяет больше внимания интеграции в мировую капиталистическую систему периферийных регионов, сначала как заморских колоний при торговом капитализме, а затем как независимых государств при промышленном капитализме, чем политическому развитию в ответ на изменение глобальной капиталистической динамики. В этом заключается огромное отличие от «социологического» и «политологического» подхода Кардозу и Фалетто, основанного на «критике политической экономии» Маркса в интерпретации Марини. Таким образом, латиноамериканская

²⁷ *Ibid.*, p. 26.

периферия выполняла бы несколько функций: во-первых, производство сырья на мировой рынок, а также промышленной сельскохозяйственной и животноводческой продукции для районов центра глобального капитализма. Во-вторых, потребляла промышленную продукцию, производимую в центре. В-третьих, наиболее фундаментальную для Марини функцию накопления капитала в глобальном масштабе²⁸. В этой перспективе автор пытается ответить на вопрос, почему производственные отношения в Латинской Америке выглядят до- или некапиталистическими. Автор утверждает, что с начала XIX в. «зависимость предстает как отношения подчинения между формально независимыми нациями, в рамках которых производственные отношения подчиненных наций формируются так, чтобы обеспечить расширенное воспроизводство зависимости»²⁹.

В ситуации латиноамериканской периферии сочетаются условия межкапиталистической конкуренции как интерсоциетарной собственности, с одной стороны, и внутренние условия производства и эксплуатации как социетарной собственности, с другой. Марини разделяет перенос экономических эффектов, оказываемых странами центра на периферию, но в отличие от Кардозу и Фалетто не для того, чтобы подчеркнуть самостоятельность периферии перед лицом таких стимулов, а подчеркнуть, как они структурно адаптируются к «закону стоимости» (или «общественно необходимому минимуму труда») в глобальном масштабе. Центр, обладая более высоким органическим составом капитала (что позволяет ему получать преимущество в виде технологической ренты), может выгодно участвовать на мировом рынке, поэтому рост производительности в этой области не передается периферийным странам через внешнюю торговлю посредством цен. Это приводит к так называемому «неравному обмену» между макрорегионами, и поскольку периферия не может легко изменить свой ключевой экспортный продукт или повысить производительность труда,

²⁸ Marini, 2008. pp. 114-115.

²⁹ *Ibid.*, p. 111.

она прибегает к механизму компенсации во время глобального экономического кризиса³⁰. Это позволяет объяснить кажущийся парадокс существования до- или некапиталистических отношений на континенте, поскольку это «результат процесса, посредством которого Латинская Америка способствовала увеличению доли прибавочной стоимости и доли прибыли в индустриальных странах, который имел строго противоположные последствия для них»³¹.

С ростом уровня эксплуатации на основе абсолютной прибавочной стоимости за счет удлинения рабочего дня или снижения реальной заработной платы в интересах центральных районов мирового рынка сверхэксплуатация труда на периферии приводит к прогрессирующей внутренней дифференциации процессов обращения. Поскольку заработная плата может быть сравнительно ниже, чем в центре, кругооборот капитала на периферии ограничен (по сравнению со странами центра), поскольку он определяется внешними факторам³². В рамках этого подхода процессы индустриализации в регионе следует понимать как интернализацию цикла капитала, т. е. реализация прибавочной стоимости (как и ее производство) происходит на внутреннем рынке. Теперь, когда теоретические рамки Марини изложены, гораздо легче определить, что представляют собой социетарные и межсоциетарные свойства. К межсоциетарным относятся: 1] интеграция в мировой рынок в качестве периферии; 2] цикличность мировых экономических подъемов и спадов; 3] условия торговли между центром и периферией; 4] условия конкуренции на мировом рынке, обобщенные в «законе стоимости». К социетарным свойствам относятся: 1] отношения производства; 2] норма эксплуатации рабочей силы на национальном уровне; 3] норма прибыли на национальном уровне; 4] кругооборот капитала в зависимости от структуры спроса на национальном рынке.

³⁰ *Ibid.*, pp. 123-124.

³¹ *Ibid.*, p. 124.

³² *Ibid.*, pp. 134-135.

Отдельного комментария заслуживает книга Вани Бамбирра «Латиноамериканский зависимый капитализм» (*El capitalismo dependiente latinoamericano*). По отношению к Кардозу и Фалетто, а также Марини, она, кажется, представляет собой синтез между ними. Работа подхватывает типологическое направление «Зависимость и развитие в Латинской Америке», но в рамках марксистской мысли, близкой к «Диалектике зависимости». Её книга хороша тем, что она все определяет очень четко, предлагая (теоретическое) разграничение между ситуацией зависимости, с одной стороны, и зависимой структурой, с другой, что еще раз подчеркивает аналитико-теоретическое движение от «внешнего» к «внутреннему»: «Иными словами, несмотря на то, что базовым условием формирования, конфигурации и развития латиноамериканских обществ была все та же ситуация зависимости от центров гегемонии, необходимо попытаться через последовательные подходы к конкретной реальности, то есть переходя от более высокого уровня абстракции к более конкретным уровням, изучить конкретно-исторические проявления и процесс изменения зависимых структур, сформировавшихся на континенте»³³. Данное исследование начинается с «совокупности зависимых обществ» как «неразделимого целого», а затем «пытается дифференцировать его существенные внутренние компоненты, группируя их в отдельные типы»³⁴. Действительно, движение от абстрактного к конкретному у Бамбирры, похоже, путается с движением от глобального к локальному. Поэтому она помещает свою работу «на промежуточный уровень между попыткой общей теоретической концептуализации зависимости (...) и конкретным изучением конкретных зависимых структур»³⁵.

Нет нужды говорить, что эта книга гораздо сложнее двух предыдущих. Организационная структура латиноамериканского зависимого капитализма начинается с типологии, затем следуют зависимые структуры и завершаются противоречиями зави-

³³ Bambirra, 2011, p. 8.

³⁴ *Ibid.*, pp. 8-9.

³⁵ *Ibid.*, p. 9.

симого капитализма. Типология Бамбирры опирается на уровень индустриализации. Тип А — это ранняя индустриализация XIX в. при отсутствии иностранного капитала³⁶; тип В — поздняя индустриализация XX в. с участием иностранного капитала³⁷; а тип С означает отсутствие индустриализации³⁸. Почему такой акцент? Потому что, в ее понимании: «Сам процесс индустриализации, будь то на национальном или международном уровне, ведет к подчинению ему других секторов и стремится стать центром динамики экономического и социального развития. Это проявляется в изменении самой морфологической и экологической основы общества, порождении новых потребностей, дезинтеграции прежних экономических и социальных форм и появлении новых классов, что приводит к изменению оси противоречий и конфликтов в обществе»³⁹.

По мнению Бамбирры, именно процесс индустриализации (или ее отсутствие) позволит относительно более конкретно обосновать связь между ситуацией зависимости и зависимыми структурами, чтобы «выделить наиболее значимые характеристики каждого из двух основных типов современных зависимых обществ, определив тем самым основные законы их развития»⁴⁰.

В XIX в. ситуация зависимости характеризовалась «второй промышленной революцией», влияние которой на латиноамериканскую периферию ощущалось в основном через внешне-торговые схемы. Именно здесь происходит торговый обмен между периферией, экспортирующей сырье, и центром, экспортирующим промышленные товары. Следует подчеркнуть, что этот сценарий универсален для всех зависимых стран, но имеет

³⁶ Страны типа А: Аргентина, Мексика, Бразилия, Чили, Уругвай, Колумбия.

³⁷ Страны типа В: Перу, Венесуэла, Эквадор, Коста-Рика, Гватемала, Боливия, Сальвадор, Никарагуа, Гондурас, Доминиканская республика и Куба.

³⁸ Страны типа С: Парагвай, Гаити, Панама.

³⁹ Vambirra, 2011, p. 29.

⁴⁰ Ibidem.

различные результаты в зависимости от зависимых структур в каждом типе (А, В и С). Разница между типами А и В будет заключаться в социетарных свойствах национального или иностранного контроля над экспортным сектором и наличия или отсутствия национальной промышленной буржуазии. Хотя внешняя торговля стимулирует капиталистическое развитие, национальный контроль над экспортным сектором (как в типе А) позволяет стране индустриализироваться в долгосрочной перспективе, поскольку даже если капиталистам необходимо импортировать средства производства, рабочие того же сектора стимулируют спрос. Последний «ориентирован на отечественную промышленную продукцию, поскольку это спрос на недорогие товары»⁴¹. С другой стороны, внешний контроль экспортного сектора (также называемый анклавом), присутствующий в странах, относящихся к типу В, приводит к противоположной ситуации, а именно к отсутствию внутреннего рынка, сочлененного между их экономическими секторами (первичным, вторичным и третичным), без промышленного развития, включая использование национальной рабочей силы⁴².

В XX в. ситуация зависимости изменилась под эгидой «глобальной монополистической интеграции». Снова повышается мировой технологический уровень, но его распространение из центра на периферию происходит не через внешнюю торговлю, так что «вместо того, чтобы экспортировать их как товары, они экспортируют их как капитал, то есть отношения больше не являются отношениями купли-продажи, а иностранными инвестициями»⁴³. Результатом этого является растущая денационализация рынка, уже описанная Кардозо и Фалетто, вместе с индустриализацией, подчиненной центральным странам, по Марини. Из этих особенностей вытекают ряд свойств общества, частично определяющих ситуацию зависимости: 1] степень проникновения иностранного капитала в национальную экономику (подразделяемую, в свою очередь, на контроль рынка и

⁴¹ *Ibid.*, p. 40.

⁴² *Ibid.*, p. 76.

⁴³ *Ibid.*, pp. 102-103.

производственного аппарата); 2] способность периферийной национальной экономики к технологическим инновациям; и 3] степень или условия конкурентоспособности, а также прибыльности для иностранных инвестиций в каждой стране. Однако, учитывая, что Латинская Америка в значительной степени индустриализировалась, следует, что зависимая структура будет формироваться в политической сфере⁴⁴.

Политический аспект зависимой структуры проявляется в степени автономии национального правящего класса по отношению к иностранному капиталу(центра), а также в сопутствующей перестройке национальной политической системы как таковой⁴⁵. Зависимые правящие классы занимали подчиненное положение по отношению к иностранному капиталу, но, опять же, категории А и В (наличие или отсутствие предварительной индустриализации) обеспечивают структурную дифференциацию в форме такого подчинения. Так, в типе А подчиненный правящий класс мог добиться определенных уступок от иностранного капитала и в рамках определенных параметров имел больше возможностей для маневра по отношению к нему, что позволяло «проводить, иногда в своих интересах, политику при относительной автономии», даже иметь возможность шантажировать империализм «угрозой народного движения, перед лицом которого возникает необходимость укрепить систему господства на национальном уровне». С другой стороны, отсутствие эндогенно обусловленного процесса индустриализации, характерного для типа В, приводит к более выгодному положению иностранного капитала по отношению к правящим классам в этой категории периферийных стран. В этом случае иностранный капитал «смог усилить свое проникновение в сектора, которые подходили ему больше всего, либо расширив свой контроль над первичными экспортными товарами (как в случае с венесуэльской нефтью), либо открыв новые области через инвестиции в обрабатывающий сектор. В обрабатывающей промышленности империализму даже не пришлось сталкиваться с

⁴⁴ *Ibid.*, p. 111.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 106.

буржуазией, у него не было проблемы подчинить ее себе и заставить интегрироваться с ним, денационализировать её, потому что этого класса не существовало»⁴⁶.

Не будем заблуждаться. «Зависимость и развитие в Латинской Америке», «Диалектика зависимости» и «Зависимый капитализм в Латинской Америке» явно опираются на контекстуальные и взаимодействующие свойства, они относятся к межсоциетарной сфере, согласно классификационной схеме Хопкинса и Валлерстайна, поскольку «отражают международные системы, в которые вовлечены страны»⁴⁷. Первые подчеркивают, что все национальные общества "имеют равный статус во всей системе или "контекстуальном" свойстве, о котором идет речь – все латиноамериканские страны в равной степени являются «латиноамериканскими», и все страны сегодня в равной степени принадлежат «атомному веку»⁴⁸. Все периферийные национальные общества (равно как и национальные общества центра) являются полноправными членами конкурентного промышленного капитализма XIX в. или монопольного промышленного капитализма XX в. согласно теории зависимости. В свою очередь, взаимоотношения добавляют дифференциацию к контекстуальному свойству, так что «разные страны в системе вполне могут иметь разный ранг»⁴⁹. В соответствии с этим дифференциация будет проводиться между странами-экспортерами капитала и странами-экспортерами товаров, странами с положительным торговым балансом и странами с торговым/финансовым дефицитом.

Позиции сторонников теории зависимости

Разобравшись с типами свойств, присутствующих в анализе зависимостей, мы переходим к вопросу о единице фокуса. Во избежание недоразумений речь идет не о сборе конкретных

⁴⁶ *Ibid.*, p. 118.

⁴⁷ Hopkins, Wallerstein, 1971. p. 67.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 67.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 68.

данных, а о сфере применения обобщающих предложений, поскольку «сравнительные единицы не обязательно являются национальными обществами или национальными государствами», они могут быть и являются таковыми в некоторых исследованиях, но в этом случае они представляют собой лишь один из видов многонациональных исследований⁵⁰. Вопрос о фокусе заключается в том, чтобы четко определить, на каком уровне действуют обобщающие предложения, или аргументы, сформулированные учеными, изучающими зависимость⁵¹. Мы склонны думать, что, хотя и Кардозо, и Фалетто, и Марини подчеркивают существование глобальной структуры, взаимно связывающей межсоциетарные и социетарные свойства в их соответствующих интерпретационных рамках зависимости, факт остается фактом: они направлены на сравнительные исследования.

Это объясняется тем, что «только в исследованиях, где общества являются предметом обобщающих подходов (гипотез или выводов), сравниваются национальные общества»⁵². Эти тексты скорее предназначены для сравнительных исследований национальных обществ в условиях зависимости, так что национальное государство как таковое остается фокусной единицей *par excellence*, как бы ни анализировались они в качестве членов (неравноправной) сети национальных государств или мирового рынка. Рассматривать «членство» национальных обществ в глобальных сетях – не то же самое, что изучать их природу. Межсоциетарные аспекты зависимости не являются основным объектом теоретических гипотез или эмпирических выводов (обобщающих предложений), а в основном относятся к социетарной области, даже если «часто свойства социетарного уровня могут быть выведены из свойств индивидов или групп (конструируемых как члены или части обществ) или из свойств международных совокупностей обществ»⁵³. Это явно выражено не только в книге «Зависимость и развитие в Латинской Амери-

⁵⁰ *Ibid.*, p. 23.

⁵¹ *Ibid.*, p. 23.

⁵² *Ibid.*, p. 33.

⁵³ *Ibidem.*

ке» в форме аргументации, которая дезагрегирует конкретные результаты зависимости по отдельным странам. Это точно присутствует в теоретических рамках соответствующих книг, которые будут кратко рассмотрены ниже.

Для Кардозо и Фалетто вопрос о фокальном единстве становится совершенно очевидным на последних страницах их текста, когда они теоретически связывают процесс зависимости с государством, классом и производством в национальных рамках: «Конечно, существуют структурные связи, которые ограничивают возможность действий, начиная с самой материальной базы производства в стране и степени развития производительных сил, не говоря уже о том, как они сочетаются с политическими и правовыми отношениями внутри и с нациями-гегемонами. В то же время, благодаря действиям групп, классов, организаций и социальных движений в зависимых странах, эти связи сохраняются, трансформируются или разрываются. Таким образом, существует собственная внутренняя динамика, которая делает "ход событий" понятным, без чего невозможна политическая наука»⁵⁴.

Межсоциетарные свойства, представленные в книге «Зависимость и развитие в Латинской Америке», не являются ни полностью определяющими, ни полностью неважными для объяснения различных «национальных историй» зависимости. Межсоциетарные свойства находятся в промежуточном положении, что делает их своего рода промежуточными переменными в других, предположительно более фундаментальных процессах, поскольку в конечном итоге именно конкурирующие социальные, политические и экономические агенты внутри каждого национального общества в Латинской Америке являются решающими в эволюции систем господства. В этом случае периоды глобальных экономических кризисов будут служить катализаторами для различных систем господства в каждом национальном обществе. То есть, с одной стороны, глобальная конъюнктура ограничивается нанесением смертельного экономического удара, который выливается в постепенную потерю

⁵⁴ Cardoso, Faletto, 2003. p. 163.

политической легитимности олигархий, распространяющуюся на всю схему господства, действующую в каждом зависимом национальном обществе; с другой стороны, конъюнктура открывает окно возможностей для установления новой схемы развития, зависящей от соотношения политических сил в каждой отдельной стране.

На этот диагноз не влияет утверждение «нового характера» зависимости, основанное на «интернационализации рынка», поскольку в конечном счете социетарная собственность, которая появляется на этом этапе, определяет степень контроля над внутренним рынком (в дополнение к простому экспортному сектору): «Уже не экспортные интересы подчиняют себе интересы, солидарные с внутренним рынком, и не сельские интересы противостоят городским как выражение одного из типов экономического господства. Специфика нынешней ситуации зависимости заключается в том, что «внешние интересы» все более укореняются в секторе производства для внутреннего рынка (разумеется, не отменяя прежних форм господства) и, следовательно, опираются на политические альянсы, находящие поддержку у городского населения. С другой стороны, формирование индустриальной экономики на периферии международной капиталистической системы минимизирует последствия типично колониальной эксплуатации и ищет солидарности не только у правящих классов, но и у всех социальных групп, связанных с современным капиталистическим производством: наемных работников, техников, предпринимателей, бюрократов и т. д.»⁵⁵. Хотя они и оценивают историко-структурные трансформации в глобальном масштабе, конкретным выражением которых является историческое возникновение и географическое распространение транснациональных корпораций, факт заключается в том, что они продолжают фокусировать свое аналитическое внимание на внутренней структуре «нового характера» зависимости, которая порождает новые ограничения в латиноамериканских обществах, новые социальные классы (или группы) внутри них, что, конечно, при-

⁵⁵ *Ibid.*, p. 164.

водит к новым политическим альянсам для других систем господства. Грубо говоря, теоретические рамки «Зависимости и развития в Латинской Америке» страдают от «методологического национализма», поскольку объяснительная сила этого подхода исходит главным образом из того, что происходит в фокальной единице, которой являются национальные общества. В этом, возможно, проявляется странное методологическое сходство с «теорией модернизации», хотя для того, чтобы оценить это, необходимо включить в анализ «Стадии экономического роста» У.У. Ростоу, а также его влияние на Кардозу и Фалетто, что выходит за рамки данного текста⁵⁶. Хотя эти авторы признают существование глобальной структуры, которая охватывает и превосходит национальные общества Латинской Америки, факт заключается в том, что они больше сосредоточены на оппозиции между внутренними и внешними факторами.

Со своей стороны, «Диалектика зависимости» подчеркивает, даже больше, чем Кардозу и Фалетто, интеграцию Латинской Америки в глобальный капитализм как региона, периферийного/зависимого от центральных стран. Это связано с методологией, опирающейся на Маркса, что Марини объясняет в пост-

⁵⁶ Сам Ростоу утверждал: «Я постепенно пришел к убеждению, что можно и, для определенных ограниченных целей, полезно разделить историю отдельных национальных экономик, а иногда и историю регионов, на ряд этапов. В конечном итоге они составляют как теорию экономического роста, так и более общую, хотя и весьма частичную, теорию современной истории в целом». Однако Ростоу вполне осознавал границы своего теоретизирования и даже допускал существование «девиантных» случаев по отношению к его теоретическому обобщению, которое вполне может быть совместимо с «Зависимостью и развитием в Латинской Америке». По словам Ростоу, «с самого начала я не могу достаточно твердо настаивать на том, что стадии роста представляют собой произвольный и ограниченный способ рассмотрения последовательности событий, составляющих современную историю, и что они ни в коем случае не являются правильным способом. На самом деле они призваны осветить не только единообразие последовательности модернизации, но и в равной степени индивидуальный характер опыта каждой страны». См. Rostow, 1963, p. 13.

скриптуме к «Диалектике зависимости»: «Достаточно вспомнить, как в «Капитале» первые разделы первой книги посвящены проблемам сферы обращения, и только с третьего раздела начинается изучение производства; точно так же после завершения рассмотрения общих вопросов конкретные вопросы капиталистического способа производства анализируются в следующих двух книгах. Помимо простой формальной упорядоченности изложения, это связано с самой сутью диалектического метода, который делает теоретическое рассмотрение проблемы совпадающим с ее историческим развитием; таким образом, эта методологическая ориентация не только соответствует общей формуле капитала, но и объясняет превращение простого товарного производства в капиталистическое товарное производство»⁵⁷. Если оставить в стороне более философские вопросы диалектического метода, а также предполагаемое совпадение теоретического исследования с его историческим развитием у самого Маркса, то теоретический путь Марини начиная с I тома «Капитала» идет от сферы обращения → сфера производства → сфера обращения, чтобы подчеркнуть региональную специфику зависимого/периферийного региона (в данном случае Латинской Америки в целом). Таким образом, каждая составная часть в циркуляционной сфере мировой капиталистической системы понималась бы со своими (региональными) сферами производства и обращения соответственно⁵⁸.

Если бы это утверждение о пределах обобщающих предложений было неубедительным, можно было бы утверждать, что «Диалектика зависимости» в отличие от «Зависимости и развития в Латинской Америке» представляет теоретическую схему, гораздо более соответствующую «методологическому регионализму» на основе отчетливых межсоциетарных и социетарных свойств. В связи с этим следует отметить, что конечная цель «марксистской теории зависимости», как ее представлял Марини: «Это определение законов, которые управляют зависимой экономикой. Разумеется, это предполагает включение ее изуче-

⁵⁷ Marini, 2008, p. 153.

⁵⁸ *Ibid.*, p. 154.

ния в более широкий контекст законов развития системы в целом и определение промежуточных степеней, на которых эти законы конкретизируются. Именно так можно по-настоящему понять одновременность зависимости и развития. Понятие субимпериализма вытекает из определения этих промежуточных степеней и указывает на конкретизацию того, как закон, согласно которому рост производительности труда (а значит, и органического состава капитала) ведет к росту сверхэксплуатации, влияет на зависимую экономику»⁵⁹. Категория национального общества, очевидно, отошла на второй план в теоретико-аналитической схеме Марини по той причине, что он был сосредоточен на разгадке законов зависимого капитализма. Поначалу эта работа была отложена, поскольку, по его собственному признанию, «сам уровень абстракции очерка не способствовал рассмотрению конкретных ситуаций»⁶⁰. Тем не менее, в конце концов Марини вновь признал актуальность этой фокальной единицы (национальное общество), поскольку, в любом случае, «тенденции, отмеченные в моем очерке, по-разному влияют на различные латиноамериканские страны в соответствии со спецификой их общественной формации»⁶¹. Подводя итог и рассматривая понятия «общественная формация» и «мировая капиталистическая система», можно сказать, что если Кардозо и Фалетто подчеркивают разнообразие в ущерб единству, то Марини, со своей стороны, подчеркивает прежде всего разнообразие в единстве.

Наконец, книга Вании Бамбирры «Зависимый капитализм по-латиноамерикански» теоретически более сложна, чем «Зависимость и развитие в Латинской Америке» и «Диалектика зависимости», но в плане фокальной единицы она следует по пути, проложенному этими трудами. В этом смысле она сама утверждала, что «мой подход не был новым, поскольку он был сформулирован в рамках проводимых анализов, которые я пыталась представить в своей книге в максимально дидактической фор-

⁵⁹ *Ibid.*, pp. 162-163.

⁶⁰ *Ibid.*, p. 151.

⁶¹ *Ibid.*, p. 152.

ме». Можно сказать, что в плане теоретической аргументации Бамбирра приравнивает латиноамериканский регион к категории социально-экономической формации. Именно поэтому, по ее словам: «Я считаю, что исследования зависимости приобретают статус теории. Очевидно, не в смысле общей теории капиталистического способа производства, поскольку это сделал Маркс, не в смысле «зависимого капиталистического способа производства», поскольку такого не существует, а в смысле изучения зависимых капиталистических экономико-социальных формаций, то есть анализа на более низком уровне абстракции, способного уловить специфическое сочетание способов производства, сосуществовавших в Латинской Америке в условиях гегемонии капитализма»⁶².

Категория социально-экономической формации служит Бамбирре связующим звеном между «гегемонией капитализма» на глобальном уровне и «специфической комбинацией способов производства, которые сосуществуют» в латиноамериканском регионе. Оставаясь на этом уровне, Латинская Америка в целом, приобретает недифференцированный характер как во временном, так и в пространственном измерении по отношению к глобальным тенденциям капиталистического развития. Бамбирра ясно показала это в книге «El capitalismo dependiente latinoamericano»⁶³. Таким образом, Латинская Америка как регион в целом пережила процесс модернизации зависимости.

Использование понятия национальных обществ, хотя и можно сказать, что это пережиток «методологического национализма», подчинялось упомянутому выше типологическому устремлению автора при переходе от зависимой ситуации к зависимым структурам, что позволило ей оценить дифференциацию внутри периферийной зоны Латинской Америки на основе типов А, В и С. Очевидно, что использование понятия общества носило сравнительный характер, но не только в смысле подхода к зависимым структурам для каждой страны в отдельности, применяя принцип от абстрактного к конкретному. Это было

⁶² Ibid., p. 26.

⁶³ Vambirra, 1974, pp. 45-46.

явной целью Бамбирры в «Зависимом латиноамериканском капитализме». Однако неявной целью, присутствовавшей в этой работе, было вписать Латинскую Америку, а также каждую страну в отдельности в историко-структурную схему, изложенную Марксом в прологе к I тому «Капитала», согласно которой более промышленно развитая страна показывает будущее более отсталым, так что «для сохранения зависимого капитализма в Латинской Америки... в течение более или менее длительного периода, то его будущее как зависимого будет долгим, на более или менее длительный период, тогда правильно брать за образец страны, в которых эта система более развита, принимая во внимание (как указывал Маркс, когда брал Англию за образец для Германии) воспроизводство «тех же законов, тех же тенденций, которые проявляются и реализуются с железной необходимостью»⁶⁴.

Библиография / References

- Agnew J.* Sociologizing the Geographical Imagination: Spatial Concepts in the World-System Perspective // *Political Geography Quarterly*, Vol. 1, N° 2, 1982, pp. 159-166.
- Allardt E.* 'Basic' Dimensions in the Comparative Study of Social Structures // *Transactions of the Sixth World Congress of Sociology*, Vol. I, International Sociological Association, Evian, 4-11 de septiembre, 1966, pp. 173-186.
- Aronowitz S.* A Metatheoretical Critique of Immanuel Wallerstein's *The Modern World-System* // *Theory and Society*, Vol 10, N° 4, 1981, pp. 503-520.
- Bambirra V.* El capitalismo dependiente latinoamericano. México: Siglo XXI Editores, 1974.
- Bambirra V.* Teoría de la dependencia: una anticrítica. México: Ediciones Era, 1978.
- Blomström M., Hettne B.* La teoría del desarrollo en transición. México: Fondo de Cultura Económica, 1990.

⁶⁴ *Ibíd.*, p. 93.

- Brenner R.* The Origins of Capitalist Development: A Critique of Neo-Smithian Marxism // *New Left Review*, N° 104, 1977, pp. 25-92.
- Cardoso F.H., Faletto E.* Dependencia y desarrollo en América Latina. Ensayo de interpretación sociológica. Buenos Aires: Siglo XXI editores, 2003.
- Chiot D., Hall T.* World-System Theory // *Annual Review of Sociology*, Vol. 8, 1982, pp. 181-206.
- Dussel E.* 16 tesis de economía política: Una filosofía de la economía. México: Siglo XXI Editores, 2014.
- Eisenstadt S.N.* Problems in the Comparative Analysis of Total Societies // *Transactions of the Sixth World Congress of Sociology*, Vol. I, International Sociological Association, Evian, 4-11 de septiembre, 1966, pp. 187-202.
- Friedmann H., Wayne J.* Dependency Theory: A Critique // *The Canadian Journal of Sociology*, Vol. 2, N° 4, 1977, pp. 399-416.
- Gerstein I.* Theories of the World Economy and Imperialism // *Critical Sociology*, Vol. 7, N° 2, 1977, pp. 9-22.
- Gulälp H.* Frank and Wallerstein Revisited: A Contribution to Brenner's Critique // *Journal of Contemporary Asia*, Vol. 11, N° 2, 1982, pp. 169-188.
- Harvey D.* The World-Systems Theory Trap // *Studies in Comparative International Development*, Vol. 22, N° 1, 1987, pp. 42-47.
- Hopkins T.K., Wallerstein I.* El estudio comparado de las sociedades nacionales. Valparaíso: Ediciones Universitarias, 1971.
- Kay C.* Presentación // El giro dependientista latinoamericano. Los orígenes de la teoría marxista de la dependencia / Juan Cristóbal Cárdenas Castro y Raphael Landa Seabra (Editores). Santiago de Chile: Ariadna Ediciones, 2022.
- Marini R.M.* Dialéctica de la dependencia. // América Latina, dependencia y globalización, Buenos Aires: Siglo del Hombre Editores/CLACSO, 2008.
- Marini R.M.* En torno a Dialéctica de la dependencia (postscriptum) // América Latina, dependencia y globalización. Buenos Aires: Siglo del Hombre Editores/CLACSO, 2008.
- Marsh R.M.* Making Comparative Research Cumulative // *Transactions of the Sixth World Congress of Sociology*, Vol. I, Interna-

- tional Sociological Association, Evian, 4-11 de septiembre, 1966, pp. 203-221.
- Petras J., Brill H.* The Tyranny of Globalism // Journal of Contemporary Asia, Vol. 15, N° 4, 1985, pp. 403-420.
- Pizarro Contador C.* Prólogo // Terence K. Hopkins e Immanuel Wallerstein, El estudio comparado de las sociedades nacionales. Valparaíso: Ediciones Universitarias, 1971.
- Rokkan S.* Cross-National Sociology: an Introductory Note // Transactions of the Sixth World Congress of Sociology, Vol. I, International Sociological Association, Evian, 4-11 de septiembre, 1966, pp. 164-172.
- Rostow W.W.* Las etapas del crecimiento económico. Un manifiesto no comunista. México: Fondo de Cultura Económica, 1963.
- Scheuch E.K.* Society as Context in Cross-Cultural Comparisons // Social Science Information, Vol. VI, N° 5, 1967, pp. 7-23.
- Skocpol T.* Wallerstein's World Capitalist System: A Theoretical and Historical Critique // American Journal of Sociology, Vol. 82, N° 5, 1977, pp. 1075-1090.
- Stern S.J.* Feudalismo, capitalismo y el sistema mundial en la perspectiva de América Latina y el Caribe // Revista Mexicana de Sociología, Vol. 49, N° 3, 1987, pp. 3-58.
- Stinchcombe A.L.* The Growth of the World-System // American Journal of Sociology, Vol. 87, N° 6, 1982, pp. 1389-1395.
- Szymanski A.* Capital Accumulation on a World Scale and the Necessity of Imperialism // Critical Sociology, Vol. 7, N° 2, 1977, pp. 35-53.
- Valenzuela S., Valenzuela A.* Modernization and Dependency: Alternative Perspectives in the Study of Latin American Underdevelopment // Comparative Politics, Vol. 10, N° 4, 1978, pp. 535-557.